

ОТЗЫВ

официального оппонента Соболевой Ларисы Степановны
о диссертации Рядовых Натальи Александровны
«Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Диссертация, в центре которой жанр акафиста, незаурядное явление не только для изучения в рамках лингвистики, но и для гуманитаристики в целом. Понимание языка как воплощения многих процессов антропологического ряда (языковая картина мира, риторика как соотношение человека и мира, механизмы воздействия, творческая интенция и т. п.) позволяет видеть необходимость и полезность данной диссертации и таким специалистам, как ваш покорный слуга, специалист в сфере православной литературы, в частности, гомилетики, но не лингвистического направления. И я благодарна за приглашение выступить со своим мнением и с желанием найти в данной работе общепилологический смысл и движение вперед по освоению и трактовке новых исследовательских объектов.

Можно произнести целую оду (в прямом значении этого слова) жанру Акафиста. Это уникальный жанр, появившийся в связи с конкретным образом Богородицы, причем не просто в контексте библейского мифа, а в связи с дальнейшим обращением к ее образу в истории Византии раннего Средневековья. Но важность этого текста – Великого Акафиста, созданного талантливым песнопевцем, еще в наличии в нем огромного эстетического потенциала, позволившего проявиться творческой энергии авторов иного исторического времени. Художественное совершенство текста Акафиста в суггестивном воздействии на эмоциональное состояние слушателей и исполнителей, новосозданный для богослужения жанр был направлен на вовлечение в сакральное пространство присутствующей в церкви паствы, пробуждая эмоционально возвышенные чувства, вербализованные в хайретизмах и поддержанные прикосновением к вечности через систему ветхозаветных пророческих символов и новозаветных мотивов. В богослужебной практике православия песнопения, имеющие стихотворную природу, в византийской традиции обрели особую форму, при которой сохранялся лирический пафос глорификации святости, но форма не отвлекала на любование ритмико-рифмическим совершенством, заставляя вслушиваться в смысл праздничного песнопения. Но лирический «заряд» Акафиста, соотносящий земное совершенство Богородицы с ее небесной святостью, позволял выявиться чувству личной сопричастности автора и прочувствовать перетекание мирского начала, также сотворенного Богом, в сакральное. Проявление антиномии в образе Богородицы порождало ощущение оптимизма в возможности спасения. Иными словами, Акафист давал возможность избежать окончательного противостояния небесного и земного, давая новую перспективу и напоминая о двуединой природе не только Сына Божия (заранее заданной), но и о возможности достичь такого же совершенства в ее обретении.

В обозначенном контексте **актуальность** диссертации Натальи Александровны Рядовых, рассматривающей творческую активность жанра Акафиста на границе XX – XXI в., несомненна. Столь же продуктивен выбранный аспект анализа для описания жанров религиозного стиля этого периода, соединивший исследование конкретных текстов и жанрообразующих категорий.

Представленная к защите работа отличается **научной новизной**: во-первых, это касается источниковой базы исследования, что для меня является одним из важнейших признаков научной подлинности. Исследователь буквально по крупицам и в различных формах бытования собирала памятники акафистного творчества современных признанных и анонимных авторов, чтобы типологизировать и выявить общие константы жанра в его вариативных авторских проявлениях. В диссертации определена тематическая дуальность жанра акафиста, являющаяся основой классификации категорий времени и пространства; выделены покаянная и уничижительная тональность; доказана опора категории оценочности на христианскую картину мира.

Привлечение такого объема конкретных проявлений жанра акафиста позволяет обосновать и сделать **продуктивной теоретическое заключение** о жанрообразующих особенностях акафиста, его опору на прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля. Полученные результаты служат основой дальнейшего сопоставительного изучения молитвенной сферы словесности, свойственной религиозной коммуникации одной или различных конфессиям.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в учебно-методической деятельности при преподавании в как в светских, так и в духовных образовательных учреждениях курсов по стилистике, лингвистике текста, религиоведению.

Достоверность полученных результатов обоснована освоением и конструктивным применением авторитетных трудов отечественных и зарубежных ученых, теоретические положения которых были задействованы в ходе диссертационного исследования (в список использованной литературы включено 452 наименования). Вызывает уважение то, насколько автор корректно их цитирует и при этом излагает собственную точку зрения на каждую затрагиваемую им проблему. В работе используется объемный репрезентативный материал (с. 269–270) и в соединении с более чем солидной базой источников это основательно фундирует полученные результаты. Их апробация на конференциях вполне достойного уровня и публикации 12 статей, из которых, как требуется, 3 статьи изданы в научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, доказывают обретение автором профессиональной квалификации.

Диссертационная работа имеет продуманную структуру и состоит из введения; четырех основных глав; заключения; списка литературы, списка словарей и справочников, списка источников; приложения с публикацией источника.

Во **Введении** (с. 4–12) диссертант доказывает актуальность исследования; оценивает степень разработанности проблемы; формулирует цель и задачи работы,

характеризует материал, обосновывает научную новизну, теоретическую и практическую значимость работы, а также формулирует положения, выносимые на защиту, дает информацию об апробации полученных результатов.

В первой главе «Акафист в жанрово-стилистическом и категориально-текстовом аспектах» (с. 13–57) автор обосновывает теоретические основы исследования.

Раздел 1.1. *Религиозный стиль в функционально-стилистической парадигме речи* представляет собой обстоятельное аналитическое исследование научной литературы, на основании которой автор встраивает последовательную картину становления стилистики – функциональной стилистики – религиозного стиля, освещая подходы к выделению конструктивного принципа и особенностей религиозного стиля. И здесь надо отметить стремление к всеохватываемости теорий на различных исторических периодах, часто сводимых к одной фразе или даже слову из теории 50-х-- 60 -х годов. И этим решается задача показать знания соискателя, но при этом создается впечатление формальности и сомнительного смысла. Это, несомненно, спорный вопрос, где обязательность упоминания начинает затмевать реально необходимую и востребованную исследовательскую литературу.

Параграф 1.2. *Акафист как жанр религиозного стиля* логично продолжает развитие идей, заложенных в предыдущем параграфе, и посвящен характеристике жанра акафиста в научной литературе. Автор отмечает, что жанр акафиста находится на пересечении религиозного и художественного стилей, представляя собой своеобразный «гибрид» молитвы и жития. Данный раздел интересен также фрагментом, описывающим Великий Акафист, который можно считать протожанром, так как все последующие тексты акафистов сохраняют с ним формальное - содержательное единство. Спорным, на мой взгляд, является утверждение, что в Акафисте реализуются «молитва и житие» (с. 10). Я не возражаю, что молитва и акафист взаимосвязаны созданием эмоциональной атмосферы, но направленность чувства иные, молитва описывает чувства и просьбы личные, и чем сильнее выражены переживания верующего, тем выше качество и востребованность молитвы. Акафист же направлен на объект почитания, и выражаемые в их чувства обладают эффектом солидарности – объединения паствы перед лицом вечности, являющейся в лице героев акафиста. Что касается жития, то в великом Акафисте задействованы отдельные ситуации притч Нового Завета (Благовещения, посещение Елизаветы) и песнопения из канонов Богородицы раннехристианских гимнографов. Даже Попов, обосновавший эту идею, отмечал, что текст формируется «согласно с житием», то есть в соответствие с типом подвига, а не по тексту жития. Следует отметить, что классификация стиля, соотнесенная с типом бытования и целями создания текста, даже для современного состояния этой сферы не всегда конструктивна, вопросы и сомнения начинают возникать, когда мы выходим в историческое поле его бытования. Соотнесенность устной и письменной формы молитв и проповеди (язык и речь) становится весьма относительной, будучи произнесенными в храме или в ряде случаев вне церкви, эти тексты в прошлом всегда прописывались, а в синодальной

период утверждались и цензурировались. Но мои возражения не столько к соискателю, сколько к самой системе, которая не представляется оптимальной и явно нуждается в корректировке, учитывая особенность этой сферы словесности.

В разделе 1.3. *Категориально-текстовый подход к описанию стиля и жанра* обосновывается категориально-текстовый подход, избранный в качестве основного метода анализа в настоящем исследовании, называются категории, на основе анализа которых производится характеристика жанра. Я бы отметила стремление Натальи Александровны углубиться в особенности религиозной картины мира и тем самым понять суть композиционного построения акафистов. Эта реферативная часть выстраивается преимущественно на работах научного руководителя (честь ей и хвала), и поэтому развивается в одном направлении, без обозначения тех противоречий, которые буквально пронизывают эту тему.

Критический анализ выбранных категорий позволяет обратить внимание, что четыре из пяти категорий находятся в дихотомических отношениях: время и пространство, тональность и оценочность, что позволяет автору расположить их в соответствующих главах: 3 глава посвящена времени и пространству, 4 глава – тональности и оценочности. В то же время с лингвистической точки зрения для категории темы также существует пара – возможно, можно соотнести с категорией композиции, что не нашло отражения в тексте работы. Жанр Акафиста, начиная с момента появления, обрабатывает последовательную композиционную структуру, отвечающую целям создания памятника. И это становится вопросом к соискателю.

Глава 2. Категория темы в жанре акафиста (с. 58–113) посвящена описанию экспликации категории темы в жанре акафиста. Анализ, произведенный автором, подтверждает известную идею о тематическом двуединстве, характерном для религиозного стиля. Диссертант говорит о тематической дуальности, которая образуется взаимодействием духовной и предметной темами. Мне кажется, что здесь лучше было бы употребить достаточно устоявшееся выражение «духовное и мирское», что точнее обозначает генезис дуализма.

Разделы данной главы последовательно раскрывают особенности духовной темы (п. 2. 2), где на большом объеме материала автор показывает, как экспликация духовной темы позволяет отличить тексты акафистов от псевдоакафистов; предметной темы (2.3) и ее разновидностей: объективной и субъективной. Объективная, в свою очередь, делится на сакральную и профанную.

Но здесь я бы поостереглась в безусловном делении на сакральное и профанное в современном понимании, соответствующее делению пространства на земное и небесное. Представляется, что это не вполне корректно и больше присуще народному православию, чем богословскому учению. Земное и небесное не противостоят друг другу, будучи в равной степени сотворены мудростью и «Словом» Божиим. Заметим, что эта положение породило трудную для Средневековья тему земного рая и его не метафорического, а вполне вещественного воплощения, обсуждавшуюся на всем европейском пространстве. Современное понимание пространства через дуальные сопоставления ближе к манихейству и бытовому православию в народном сознании,

и Акафист служит своего рода отрицанием противостояния через соединение верующих в чувстве радостной благодарности в пространстве храма. Противостоят греховное и благодатное. (тема греховного начала поднимается в диссертации). Падший ангел – связан с небесным пространством, а Богородица – с земным, и суть в векторе слияния. Столь же неоднозначно понятие плоти в акафисте, плоть также сотворена Господом, и только стремление человека к греху изнуряет плоть. И дело не в материальном начале, а в греховной мысли.

Не во всем я согласна с выделением исторических персонажей. Вряд ли стоит Сына Божия относить к историческим персонажам даже в период его пребывания в земном мире. Все-таки это персонажи христианского мифа, и в этом их существенное отличие от персонажей с документальной фиксацией, связанными с событиями не Священной истории, а историей другого уровня.

Обстоятельный, тщательный анализ тематических разновидностей сопровождается постоянной отсылкой к композиционным блокам, по сути, категория композиции получает воплощение в этой главе, но не находит последовательных выводов, остается на уровне значимых вкраплений. В то же время очевидно, что существуют, и они намечены в тексте главы, типичные композиционные структуры размещения категории темы и ее разновидностей в тексте акафиста.

В главе 3 «Категория хронотопа в жанре акафиста»(с. 114–170) автор показывает, как предложенная им классификация тем «работает» при анализе категории хронотопа. Категория темы определяет категории времени и пространства, которые полностью укладываются в предложенную тематическую классификацию. Категории темы и хронотопа изоморфны. Глава 3 открывается аналитическим обзором научных работ, посвященным времени и пространству (п. 3.1.), и продолжается п. 3.2., посвященным экстралингвистическому (богословскому) осмыслению гимнографического жанра акафиста. Следующие два параграфа представляют собой анализ категорий времени и пространства в тексте акафиста. Отметим, что частично категории времени и пространства были проанализированы автором во 2-ой главе, посвященной категории темы.

В главе 4. Категории тональности и оценочности (с. 171–220) автор анализирует представленность в тексте акафиста субъективной модальности, ее разновидностей – категорий тональности и оценочности. Диссертант ставит сложную задачу разграничения знаков эмоциональной и рациональной оценки в тексте и успешно ее решает. Глава начинается с обзора теоретической литературы, посвященной субъективной модальности, где автор привлекает понятия интенция, аксиологема, которые помогают ему произвести объективный анализ языкового материала. В п.4.2. предлагается классификация тональности: выделяется благоговейная тональность, характерная для религиозного стиля в целом, покаянная тональность, которая, по мнению автора, приближается по доминантности к благоговейной, уничижительная тональность.

Последняя, по нашему мнению, является разновидностью покаянной, входит в нее на родо-видовых основаниях. Автор отмечает, что ядерными являются

благоговейная и покаянная тональности, уничижительная находится на периферии. Вне поля внимания автора остались знаки, связанные с понятием *радость*, несомненно, являющиеся жанрообразующим признаком акафиста, в количественном отношении они преобладают и присутствуют абсолютно во всех текстах акафистов.

П. 4.3 посвящен категории оценочности, где, опираясь на термин аксиологема, автор выстраивает ценностную картину мира, характерную для жанра акафиста. Мне очень импонирует детальная, точечная работа с текстами, имеющими несколько различных генезис и степень богословской семантики. Но ряд акафистов имеют конкретных авторов (особенно поздние), например, Никон (Петин). Его акафисты отражают специфику времени, созданы в период государственного атеизма (40-е – 50-5 гг.) и, действительно, степень горечи, личностного покаяния в них возрастает.

Суть в том, что Великий акафист написан в связи с иконным изображением Богородицы в стиле Оранты, окруженной пророками, держащими ветхозаветные символы Божией Матери. И это визуальный момент в формировании сакрального пространства храма был обязателен, и с ним вступал в корреляцию текст Акафиста. В ряде случаев это изображение становилось средником иконы, а в клеймах изображались богородичные события Нового Завета. Более того, на некоторых иконах 17 века на изображения наносились тексты из Акафиста, соотнесенные с образами пророков. Иными словами, важное категориальное качество Акафиста, воспроизводимого в храмовом пространстве, – характер воплощения визуальности. И ряд поздних акафистов также соотносятся с иконными сюжетами и посвящено им, а ряд (Акафист Ушакову) предполагает наличие иконы при канонизации. Обращение к феномену, которое Лидов называет Иеротопией – взаимосвязи текста и изобразительности для понимания и раскрытия символической насыщенности Акафиста, могло также стать категориальной .

Можно ли выявить в акафистах степень профессиональной богословской грамотности сочинителя? Влияет ли это на образную структуру и словоупотребление?

Спорным, на мой взгляд, является утверждение, что в Акафисте реализуются «молитва и житие» (с. 10). Я не возражаю, что молитва и акафист взаимосвязаны созданием эмоциональной атмосферы, но направленность чувства иные, молитва описывает чувства и просьбы личные и чем сильнее выражены переживания верующего, тем выше качество и востребованность молитвы. Акафист – направлен на объект почитания и выражаемые в них чувства обладают эффектом солидарности – объединения паствы перед лицом вечности, являющейся в лице героев акафиста. Их соединение зависят от типа акафиста и каждый раз требуется особая оценка взаимосвязи. Молитва является частью Акафиста, но в поздних акафистах, связанных с кризисом устоев, акафист имеет не хвалебно-благодарственный пафос, а покаянную тональность, по сути сохраняя форму песнопения, становится покаянием, выходя таким образом из жанрового канона.

Как соотносятся между собой художественный и религиозный стили в связи с переходом акафиста со старославянского на современный язык? Насколько можно эти стили считать имманентными?

Эти и другие **замечания**, как всегда возникающие в прямой зависимости от основательности работы, носят дискуссионный характер. К замечаниям можно отнести некоторую повторяемость отдельных частей диссертации, которая, я понимаю, проистекает от желания создать нечто единое целое, но ощущение дежавю (déjàvu) возникает по мере углубления в полный текст диссертации.

В **Заключении**(с. 222–226) подводятся итоги проведенного исследования и намечаются перспективы его продолжения: в дальнейшем предполагается осуществить диахронический и синхронно-сопоставительный анализ текстов жанра акафиста, в том числе особый интерес представляет сопоставительный анализ акафистов разных конфессий, а также псевдоакафистов.

Диссертация написана хорошим научным стилем, отличается логичностью и последовательностью изложения, адекватностью применяемых методов и обоснованностью выводов.

Все положения, выносимые на защиту, получили надежное подтверждение в ходе изложения результатов анализа обширного языкового материала. Имеющиеся публикации и текст автореферата в полной мере отражают основные результаты проведенного исследования. Диссертация прошла необходимую апробацию на научных конференциях.

Заключение по работе: диссертация «Жанр акафиста: категориально-текстовая специфика» является самостоятельным завершённым научным исследованием, обладающим теоретической и практической значимостью, соответствует паспорту научной специальности 10.02.01 – русский язык и требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор, **Рядовых Наталья Александровна**, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (10.01.01 – русская литература),
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Уральского гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Соболева Лариса Степановна

620002, Уральский федеральный округ,
Свердловская область, Екатеринбург, ул. Мира, 19
Телефон: +7 (343) 375-45-07; 375-46-09
Факс: 375-97-78
e-mail: rector@urfu.ru
веб-сайт: <https://urfu.ru/ru>
дата: 30 мая 2021 г.

